

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности абзаца второго части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ячmeneва Владимира Алексеевича

город Санкт-Петербург

23 декабря 2025 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, К.Б.Калиновского, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого, Е.В.Тарибо,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности абзаца второго части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина В.А.Ячmeneва. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Ю.Бушева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с абзацем вторым части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации в случае отмены в кассационном или надзорном порядке решений суда по делам о взыскании денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, о взыскании вознаграждения за использование прав на произведения науки, литературы и искусства, исполнения, открытия, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, о взыскании алиментов, о возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья либо смертью кормильца, поворот исполнения решения допускается, если отмененное решение суда было основано на сообщенных истцом ложных сведениях или представленных им подложных документах.

1.1. Конституционность приведенного законоположения оспаривает гражданин В.А.Ячменев, который в период прохождения службы в органах внутренних дел был в командировках в Чеченской Республике, где получил два боевых ранения, одно из которых повлекло установление ему инвалидности III группы вследствие военной травмы.

Приказом МВД по Республике Марий Эл заявитель уволен со службы с 1 августа 2001 года по основанию, предусмотренному пунктом «з» части седьмой статьи 19 Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 года № 1026-I «О милиции» (по ограниченному состоянию здоровья – на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе и о невозможности по состоянию здоровья исполнять служебные обязанности в соответствии с занимаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе) (данный Закон Российской Федерации признан утратившим силу в соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»).

При увольнении заявителю – как сотруднику милиции, получившему в связи с осуществлением служебной деятельности телесные повреждения, исключающие для него возможность дальнейшего прохождения службы, – было выплачено единовременное пособие, предусмотренное частью третьей статьи 29 Закона Российской Федерации «О милиции», в размере пятилетнего денежного содержания (91 792 руб.).

Кроме того, В.А.Ячменев полагал, что имеет право также и на получение единовременных пособий, предусмотренных пунктами 3 и 4 статьи 20 Федерального закона от 25 июля 1998 года № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» (признан утратившим силу в связи с принятием Федерального закона от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму») для лиц, принимавших участие в борьбе с терроризмом, в случае причинения вреда их здоровью при получении увечья или ранения. В связи с этим он в 2002 году обратился в финансово-экономический отдел МВД по Республике Марий Эл с заявлением об их выплате в размере 50 000 руб. за увечье, повлекшее за собой наступление инвалидности, и в размере 10 000 руб. за ранение, не повлекшее за собой наступление инвалидности, в чем ему было отказано. Решением Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 1 июля 2002 года было отказано в удовлетворении иска В.А.Ячменева к Управлению Федерального казначейства Минфина России по Республике Марий Эл и Минфину России о взыскании единовременных пособий и компенсации морального вреда.

1.2. В Постановлении от 29 марта 2019 года № 16-П Конституционный Суд Российской Федерации признал часть 6 статьи 21 Федерального закона «О противодействии терроризму», предусматривавшую, что при одновременном возникновении в соответствии с законодательством Российской Федерации нескольких оснований для указанных в данной статье единовременных выплат (единовременных пособий, предусмотренных в случае причинения вреда здоровью лица, принимавшего участие в осуществлении мероприятия по

борьбе с терроризмом, или гибели такого лица) выплата осуществляется по одному основанию по выбору получателя, а также часть 15 статьи 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 года № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», согласно которой единовременные пособия и ежемесячная денежная компенсация, предусмотренные частями 8–10, 12 и 13 данной статьи (выплаты, назначаемые военнослужащим и членам их семей в целях компенсации вреда, причиненного жизни и здоровью лиц, проходивших военную службу), не производятся лицам, получившим такие пособия или компенсации по тем же основаниям в соответствии с иными федеральными законами и нормативными правовыми актами Российской Федерации, противоречащими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 39 (части 1 и 2), 55 (часть 3) и 59 (части 1 и 2), в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой в системе действующего правового регулирования, они рассматривались как исключающие возможность предоставления одному и тому же лицу из числа военнослужащих, получившему военную травму при участии в осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом, являющемуся инвалидом и признанному не годным к прохождению военной службы, единовременных пособий как в соответствии с частью 3 статьи 21 Федерального закона «О противодействии терроризму», так и на основании пункта 1 части 12 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат».

Данная правовая позиция, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, по существу, носит общий характер и может служить основой для разрешения вопроса о праве сотрудников органов внутренних дел, которые получили при участии в мероприятиях по противодействию терроризму увечье, повлекшее за собой наступление инвалидности, и которым выплачены пособия, установленные для сотрудников органов внутренних дел, получивших в ходе осуществления

служебной деятельности телесные повреждения, препятствующие дальнейшему прохождению службы, на получение единовременного пособия, предусмотренного специальным законодательством (Определение от 14 января 2020 года № 2-О).

Следовательно, после принятия Конституционным Судом Российской Федерации Постановления от 29 марта 2019 года № 16-П выплаты, предназначенные лицам, участвующим в борьбе с терроризмом, по нормам регламентирующих деятельность по борьбе с терроризмом специальных законов должны назначаться наряду с пособиями, которые предусмотрены для таких граждан с учетом их правового статуса.

1.3. 25 декабря 2020 года В.А.Ячменев обратился в МВД по Республике Марий Эл с требованием о выплате пособий, предусмотренных статьей 21 Федерального закона «О противодействии терроризму». Однако 22 января 2021 года в ответ на его обращение было разъяснено, что в связи с получением заявителем пособия, предусмотренного Законом Российской Федерации «О милиции», правовые основания для выплаты ему единовременных пособий, предусмотренных Федеральным законом «О противодействии терроризму», отсутствуют. Йошкар-Олинский городской суд Республики Марий Эл, рассмотрев дело по этому же требованию заявителя к МВД России и МВД по Республике Марий Эл, пришел к выводу, что с момента получения травм В.А.Ячменев имеет право на пособия, установленные статьей 20 Федерального закона «О борьбе с терроризмом», в размере, который был предусмотрен ее первоначальной редакцией (т.е. кратно минимальному размеру оплаты труда) и составлял 8 349 руб. за первое ранение и 66 000 руб. – за второе, но их выплата без учета индексации приведет к нарушению прав В.А.Ячменева как лица, получившего при участии в мероприятиях по противодействию терроризму увечье, повлекшее за собой наступление инвалидности, на полное возмещение причиненного здоровью вреда, и решением от 31 августа 2022 года взыскал в его пользу соответствующие суммы с учетом индексации

(47 857 руб. 15 коп. за ранение, не приведшее к установлению инвалидности, и 317 626 руб. 45 коп. за увечье, повлекшее установление инвалидности). Индексация была проведена в соответствии с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации.

Данное решение оставлено без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Марий Эл от 6 декабря 2022 года. С этим, однако, не согласилась судебная коллегия по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции, направившая дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции (определение от 30 марта 2023 года). При этом суд кассационной инстанции поддержал доводы ответчиков, полагавших, что Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» не предусматривал индексации единовременных пособий, установленных для лиц, принимавших участие в борьбе с терроризмом. Суд также принял во внимание довод о том, что статья 1091 ГК Российской Федерации регулирует индексацию денежных сумм, выплачиваемых в связи с причинением вреда, тогда как выплаты в соответствии с Федеральным законом «О борьбе с терроризмом» по своему целевому предназначению представляют собой элемент особого публично-правового механизма возмещения вреда, причиненного здоровью военнослужащего (сотрудника органов внутренних дел) при исполнении обязанностей военной службы в ходе контртеррористической операции, т.е. государство в данном случае осуществляет единовременные выплаты не как виновная сторона на основании главы 59 ГК Российской Федерации, а как публично-правовое образование в целях социальной защиты военнослужащих (сотрудников органов внутренних дел).

В ходе нового рассмотрения дела суд первой инстанции вновь пришел к выводу о необходимости применения к спорным отношениям пункта 3 статьи 20 Федерального закона «О борьбе с терроризмом», поскольку травмы были получены В.А.Ячменевым 29 января 2000 года и

24 июля 2000 года, однако оснований для взыскания пособий с учетом индексации не нашел. Пособия были взысканы в размере 8 349 руб. и 66 000 руб. соответственно. При этом суд отметил, что право на единовременные пособия, приобретенное заявителем с момента получения травмы, приведшей к инвалидности, не было им своевременно реализовано, в том числе ввиду позиции ответчика о недопустимости получения однородных выплат, повлекшей отказ в предоставлении пособий в 2002 году. Это решение оставлено без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Марий Эл от 24 августа 2023 года и определением судебной коллегии по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 7 декабря 2023 года.

Впоследствии, поскольку решение Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 31 августа 2022 года было исполнено, МВД по Республике Марий Эл обратилось в суд с заявлением о повороте его исполнения. Определением Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 11 октября 2023 года в удовлетворении этого заявления отказано. Суд пришел к выводу о необходимости применения части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации, признав выплату, полученную В.А.Ячменевым с учетом индексации, денежной суммой в возмещение вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, что не предполагает поворота исполнения решения суда, если истцом не были сообщены ложные сведения или представлены подложные документы. При этом в обоснование своей позиции суд привел и решение Конституционного Суда Российской Федерации. Однако Верховный Суд Республики Марий Эл (апелляционное определение от 7 февраля 2024 года) пришел к иному выводу. Указав, что суммы индексации представляют собой не выплату в возмещение вреда, а денежную компенсацию, он применил статью 443 ГПК Российской Федерации и произвел поворот исполнения судебного решения, взыскав с

В.А.Ячменева 291 134 руб. 60 коп. С этим согласился суд кассационной инстанции (определение от 22 мая 2024 года).

Судья Верховного Суда Российской Федерации определением от 11 сентября 2024 года отказал В.А.Ячменеву в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

1.4. По мнению заявителя, абзац второй части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации не соответствует статьям 7, 8 и 20 (часть 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой он в системе действующего правового регулирования по смыслу, придаваемому данной норме правоприменительной практикой, позволяет рассматривать суммы индексации, присужденные по спору о возмещении вреда, причиненного здоровью, в качестве самостоятельной выплаты, которая квалифицируется как не являющаяся возмещением вреда, причиненного здоровью, а потому в отношении нее возможен поворот исполнения решения суда.

Таким образом, исходя из предписаний статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является абзац второй части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации в той мере, в какой на его основании решается вопрос о повороте исполнения вступившего в законную силу и затем отмененного решения суда о возмещении вреда, причиненного здоровью сотрудника органов внутренних дел, в части индексации единовременных пособий, предусмотренных Федеральным законом «О борьбе с терроризмом».

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства (статья 2), гарантирует каждому государственную, в том числе судебную, защиту его прав и свобод (статья 45, часть 1; статья 46, часть 1). Из статьи 46

Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 19 (часть 1) и 123 (часть 3), гарантирующими равенство всех перед законом и судом и принцип состязательности судопроизводства при равноправии сторон, следует, что конституционное право на судебную защиту – это не только право на обращение в суд, но и возможность получить реальную судебную защиту с восстановлением нарушенных прав и свобод, которая должна быть обеспечена государством (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 1999 года № 9-П, от 8 июня 2015 года № 14-П и др.). При этом статья 46 Конституции Российской Федерации также находится в неразрывном единстве с ее статьями 17 (часть 2), 18 и 21, возлагающими на государство обязанность охранять достоинство личности во всех сферах, утверждающими неотчуждаемость прав и свобод человека и их приоритет при осуществлении публичной власти.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, определяя право на судебную защиту, не исключает, а, напротив, предполагает возможность исправления судебных ошибок, в том числе по рассмотрении дела в той судебной инстанции, решение которой отраслевое законодательство может признавать окончательным в том смысле, что в обычной процедуре оно не подлежит изменению (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 17 июля 2002 года № 13-П, от 11 мая 2005 года № 5-П и др.; определения от 4 декабря 2007 года № 962-О-О, от 28 июня 2012 года № 1248-О и др.). Исходя из того, что в рамках судебной защиты прав и свобод допустимо обжалование в суд решений и действий (бездействия) любых органов государственной власти, включая судебные, отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт противоречило бы универсальным во всех видах судопроизводства требованиям эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости, умаляло и ограничивало бы право на судебную защиту. Поэтому законодатель, устанавливая порядок

осуществления правосудия, обязан предусмотреть механизм исправления таких ошибок. Вместе с тем институциональные и процедурные условия пересмотра судебных актов должны отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты, прозрачности осуществления правосудия, исключать затягивание или беспочвенное возобновление судебного разбирательства, обеспечивать справедливость судебного решения и одновременно правовую определенность, включая признание законной силы судебных решений, их неопровержимости (*res judicata*), без чего недостижим баланс публично- и частноправовых интересов (постановления от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П и др.).

2.1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает как проверку судебных решений, не вступивших в законную силу, в суде апелляционной инстанции (глава 39), так и производство в отношении судебных решений, вступивших в законную силу, в судах кассационной и надзорной инстанций, а также их пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам (главы 41, 41¹ и 42). Исходя из конституционной природы правосудия и конституционного права каждого на судебную защиту, суд, установив основания к отмене или изменению проверяемого судебного постановления (статьи 330, 379⁷, 390¹⁴, 391⁹ и 392 этого Кодекса), обязан, реализуя свои полномочия, отменить или изменить его, следуя задачам гражданского судопроизводства, в которые входит правильное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов гражданских и иных правоотношений (статья 2 этого Кодекса).

При этом предметом проверки выступают и судебные постановления, уже исполненные должником добровольно либо уполномоченным на то органом – принудительно, причем органы принудительного исполнения не вправе оспорить судебное постановление, на основании которого выдан поступивший к ним

исполнительный документ. Тем самым не исключается вероятность исполнения судебного постановления, вынесенного с существенным нарушением норм права, т.е. для участников соответствующих правоотношений очевидно ошибочного, и потому способного негативно повлиять на веру – лиц, права и законные интересы которых непосредственно затронуты таким решением и его исполнением, а также иных узнавших о нем лиц – в справедливость правосудия, подрвать доверие членов общества к деятельности институтов государственной власти (включая суд). Принятие решения об оставлении такого постановления без изменения и взысканного по нему у получившего исполнение лица было бы несовместимо с ценностями, закрепленными в Конституции Российской Федерации.

Отмена исполненного судебного постановления о взыскании, в частности, денежных средств означает отпадение правомерного основания приобретения такого имущества, вследствие чего оно считается, как правило, неосновательно приобретенным. Восстановление прав ответчика в этих случаях возможно путем возвращения ему того, что с него взыскано в пользу истца, т.е. посредством поворота исполнения отмененного решения суда. Правомочие произвести поворот исполнения и порядок его реализации закреплены статьями 443, 444 и 445 ГПК Российской Федерации, что, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, направлено на установление дополнительных гарантий защиты прав стороны по делу, потерпевшей от предъявления к ней необоснованного требования, и само по себе не может считаться нарушающим конституционные права и свободы (определения от 19 декабря 2017 года № 3024-О, от 24 апреля 2018 года № 1056-О и др.).

2.2. Согласно статье 445 ГПК Российской Федерации суд, рассматривающий дело в суде апелляционной, кассационной или надзорной инстанции, если он своим решением, определением или постановлением окончательно разрешает спор, либо прекращает производство по делу, либо оставляет заявление без рассмотрения, обязан

разрешить вопрос о повороте исполнения решения суда или передать дело на разрешение суда первой инстанции (часть первая); если в решении, определении или постановлении вышестоящего суда нет никаких указаний на поворот исполнения решения суда, ответчик вправе подать соответствующее заявление в суд первой инстанции (часть вторая); в случае отмены в кассационном или надзорном порядке решений суда, вынесенных в том числе по делам о взыскании денежных сумм по требованиям о возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, поворот исполнения решения допускается, если отмененное решение суда было основано на сообщенных истцом ложных сведениях или представленных им подложных документах (абзац второй части третьей).

Как следует из части второй статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации оценивает конституционность проверяемых законоположений исходя в том числе из их места в системе правовых норм. Поэтому положения абзаца второго части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации, устанавливающие особенности поворота исполнения в предусмотренных ими случаях решений судов, отмененных в кассационном или надзорном порядке, оцениваются Конституционным Судом Российской Федерации в системном единстве с положениями части третьей статьи 445¹ указанного Кодекса о таких же особенностях поворота исполнения решений судов при их отмене по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, введенными в состав гражданского процессуального законодательства в соответствии с предписанием Конституционного Суда Российской Федерации федеральному законодателю, сформулированным в Постановлении от 10 марта 2022 года № 10-П. В названном Постановлении помимо прочего указывалось на необходимость закрепления в законе правил, ограничивающих поворот исполнения решения суда, отмененного по вновь открывшимся или новым обстоятельствам; само отсутствие этих правил свидетельствует о наличии имеющего конституционную значимость пробела в правовом регулировании, вступающего в противоречие в том числе с

конституционными гарантиями права на вознаграждение за труд, и тем самым порождает нарушение Конституции Российской Федерации, ее статей 19 (части 1 и 2), 37 (часть 3), 46 (часть 1) и 75¹.

Так, часть третья статьи 445¹ ГПК Российской Федерации предписывает, что в случае отмены судебного постановления по вновь открывшимся или новым обстоятельствам по делам о взыскании денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, о взыскании вознаграждения за использование прав на произведения науки, литературы и искусства, исполнения, открытия, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, о взыскании алиментов, о возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья либо смертью кормильца, поворот исполнения судебного постановления не допускается при отсутствии установленных фактов сообщения истцом ложных сведений или представления им подложных документов.

Из приведенных законоположений следует, что институт поворота исполнения решения суда может быть применен не ко всем вступившим в законную силу судебным решениям, отмененным в установленном порядке. Так, по делам о возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, он допускается только в случаях, когда отмененное решение принято вследствие действий самого истца, прямо указанных в части третьей статьи 445 и части третьей статьи 445¹ ГПК Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации ранее отмечал, что данное регулирование – предполагающее, что поворот исполнения недопустим, если на лицо, будь он произведен, возлагалось бы обременение, не соответствующее положению этого лица как выступающего более слабой стороной в правоотношениях или, исходя из характера спора, как находящегося в тяжелой жизненной ситуации, – хотя и не predetermined Конституцией Российской Федерации непосредственно, но отражает гуманистические начала российского законодательства и согласуется с обязанностью федерального законодателя при выборе тех или иных процедур

судопроизводства, включая механизм восстановления прав ответчика, нарушенных взысканием денежных сумм в пользу истца на основании ошибочного судебного решения, впоследствии отмененного в установленном порядке, непротиворечиво регламентировать отношения в этой сфере, создавать для них стабильную правовую основу и не ставить под сомнение конституционный принцип равенства путем приоритетной защиты прав лишь одной из сторон судопроизводства (Постановление от 12 ноября 2018 года № 40-П). Как таковое оно не содержит признаков неконституционности, поскольку предполагает предоставление дополнительных гарантий лицам, нуждающимся в особой защите вследствие специфики правоотношений с их участием (Постановление от 10 марта 2022 года № 10-П). Такой подход корреспондирует и неоднократно высказанной Конституционным Судом Российской Федерации правовой позиции о том, что в правовом демократическом государстве, каковым является Российская Федерация, пренебрежение требованиями законности, разумности и осмотрительности со стороны публично-правового образования в лице его компетентных органов, недобросовестное выполнение ими своих функций, ошибки в реализации своих полномочий не должны негативно влиять на имущественные и неимущественные права добросовестных граждан и хозяйствующих субъектов (постановления от 2 июля 2020 года № 32-П, от 28 декабря 2022 года № 59-П, от 24 апреля 2025 года № 17-П, от 16 октября 2025 года № 34-П и др.).

3. В Российской Федерации как правовом социальном государстве, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию; граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе (статья 1, часть 1; статья 7, часть 1; статья 32, часть 4; статья 37, часть 1, Конституции Российской Федерации). Заключая контракт о прохождении службы в органах внутренних дел,

гражданин осуществляет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию.

Характеризуя сущность службы в органах внутренних дел как одной из форм осуществления права на труд, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что она представляет собой вид федеральной государственной службы – профессиональную служебную деятельность сотрудников по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, охране общественного порядка и безопасности, собственности, а также противодействию преступности. Эта деятельность осуществляется в публичных интересах, а лица, которые проходят службу в органах внутренних дел, выполняют конституционно значимые функции, чем обуславливается их специальный правовой статус (совокупность прав и свобод, гарантируемых государством, а также обязанностей и ответственности), содержание и характер обязанностей государства по отношению к ним и их обязанности по отношению к государству (постановления от 26 декабря 2002 года № 17-П, от 23 апреля 2004 года № 9-П, от 15 июля 2009 года № 13-П, от 21 марта 2014 года № 7-П, от 12 октября 2023 года № 47-П и др.).

Исходя из специфики обязанностей государства по отношению к сотрудникам органов внутренних дел, наряду с ограничениями, обязанностями и запретами федеральный законодатель предусмотрел для них и систему социальных гарантий, обеспечивающую им повышенную социальную защиту и включающую в себя среди прочего выплаты, установленные специальным законодательством, в том числе регламентирующим борьбу с терроризмом.

Как следует из положений части 1 статьи 20 Федерального закона «О противодействии терроризму», а также иных его норм, регулирующих применение Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом (статья 6) и определяющих силы и средства, привлекаемые для проведения контртеррористической операции (статья 15), в состав таких сил и средств, наряду с военнослужащими Вооруженных Сил Российской

Федерации, могут включаться и государственные служащие иных категорий (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2019 года № 16-П).

Социальные гарантии для граждан, участвующих в мероприятиях по борьбе с терроризмом, были установлены Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 января 1997 года № 58 «О мерах социальной защиты лиц, привлекаемых к выполнению специальных задач, связанных с проведением мероприятий по борьбе с терроризмом» во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 марта 1996 года № 338 «О мерах по усилению борьбы с терроризмом». К числу таких гарантий относились, в частности, и единовременные денежные пособия, выплачиваемые лицам, которые привлекались к выполнению специальных задач, при установлении инвалидности, получении тяжелого или легкого ранения.

Впоследствии был принят Федеральный закон «О борьбе с терроризмом», в статье 20 которого устанавливались аналогичные виды пособий. Статьей 21 действующего Федерального закона «О противодействии терроризму» регламентируется возмещение вреда лицам, участвующим в борьбе с терроризмом, а также определяются меры их социальной защиты. К таким мерам относятся единовременные пособия, выплачиваемые в том числе лицу, принимавшему участие в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом, получившему увечье, повлекшее за собой наступление инвалидности (часть 3), либо получившему ранение, но не признанному инвалидом (часть 4). Указанные пособия, имея целью компенсацию вреда, причиненного здоровью лиц, принимавших участие в мероприятиях по борьбе с терроризмом, как ранее, так и в настоящее время направлены на обеспечение им повышенной социальной защиты.

4. Согласно статье 75 (часть 7) Конституции Российской Федерации в России в соответствии с федеральным законом гарантируется индексация социальных пособий и иных социальных выплат. По своему буквальному смыслу это конституционное положение означает, что все социальные

пособия и выплаты, установленные в системе социальной защиты, подлежат антиинфляционной защите.

Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, индексация представляет собой основную антиинфляционную меру, направленную на защиту социальных выплат от обесценивания в связи с повышением уровня цен, а предоставление социальных выплат предполагает установление механизма их индексации (Постановление от 19 июня 2002 года № 11-П; определения от 4 октября 2005 года № 364-О, от 2 апреля 2009 года № 476-О-П, от 14 ноября 2023 года № 3011-О и др.); закрепление на конституционном уровне не только права на социальное обеспечение, но и инструментов его антиинфляционной защиты способствует реализации задач социального государства, провозглашенных статьей 7 Конституции Российской Федерации (Заключение от 16 марта 2020 года № 1-3).

Поскольку индексация социальных пособий, с учетом их предполагаемого повышения в связи с ростом потребительских цен, представляет собой механизм, направленный на изменение величины названных выплат, причитающиеся гражданам в связи с проведением индексации суммы не могут рассматриваться в качестве иной по своей правовой природе выплаты, они являются неотъемлемой частью выплат, увеличение которых обеспечивается присуждением (назначением) этих сумм.

Указанный вывод следует в том числе из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, который в Постановлении от 4 февраля 2025 года № 5-П признал индексацию элементом правового механизма возмещения вреда, причиненного здоровью инвалидов вследствие военной травмы.

Применительно к трудовым отношениям индексация рассматривалась Конституционным Судом Российской Федерации как способ обеспечения повышения уровня реального содержания заработной платы, который представляет собой государственную гарантию по оплате труда работников (Определение от 17 июня 2010 года № 913-О-О). В отношениях процессуального характера индексация присужденных денежных сумм

признавалась предусмотренным процессуальным законодательством упрощенным порядком возмещения взыскателю финансовых потерь, вызванных несвоевременным исполнением должником решения суда, когда взысканные суммы обесцениваются в результате экономических явлений (инфляции) (постановления от 22 июля 2021 года № 40-П и от 20 июня 2024 года № 31-П; определения от 20 марта 2008 года № 244-О-П и от 6 октября 2008 года № 738-О-О).

Таким образом, индексация, являясь инструментом, позволяющим адаптировать любую выплату (социальную выплату, заработную плату либо суммы, взысканные по решению суда) к изменившимся в связи с ростом потребительских цен жизненным обстоятельствам, не приводит к выплате гражданину каких-либо сумм, имеющих особую правовую природу, а лишь увеличивает размер выплаты, на которую он имел право до того, как возникла необходимость ее защиты от инфляционных процессов.

5. Применительно к рассмотрению судами споров по заявлениям граждан – сотрудников органов внутренних дел о возмещении вреда, причиненного здоровью, на основании положений Федерального закона «О борьбе с терроризмом» поворот исполнения решения суда при его отмене в кассационном или надзорном порядке, а также по вновь открывшимся или новым обстоятельствам должен осуществляться только при наличии условий, перечисленных в абзаце втором части третьей статьи 445 и части третьей статьи 445¹ ГПК Российской Федерации, в случае неправомерных (недобросовестных) действий самого истца, выразившихся в сообщении ложных сведений или представлении подложных документов, которые легли в основу отмененного решения суда. При этом положения статей 445 и 445¹ ГПК Российской Федерации, включая приведенные, не устанавливают конкретных видов денежных сумм, поворот исполнения решения суда о взыскании которых допускается, а закрепляют лишь категории дел, на вынесенные судебные постановления по которым распространяется действие этих статей.

К одной из этих категорий относятся и дела по требованиям о возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, притом что произведенная судом индексация данных выплат не имеет какой-либо специфической правовой природы, а призвана увеличить их номинальный размер для компенсации их обесценивания вследствие инфляционных процессов в государстве.

Соответственно, положения абзаца второго части третьей статьи 445 и части третьей статьи 445¹ ГПК Российской Федерации не предполагают для суда возможности придать самостоятельное значение суммам индексации предусмотренных этими положениями выплат и решить вопрос о повороте исполнения решения суда в части взыскания сумм индексации с ответчика как отдельного имущественного требования, не зависящего от первоначально предъявленного требования.

Таким образом, абзац второй части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации в системном единстве с частью третьей статьи 445¹ этого Кодекса не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он не предполагает поворота исполнения вступившего в законную силу и затем отмененного решения суда, вынесенного по требованию о возмещении вреда, причиненного здоровью сотрудника органов внутренних дел, в части сумм, присужденных истцу в результате индексации установленных Федеральным законом «О борьбе с терроризмом» единовременных пособий, при условии, что отмененное решение не было основано на сообщенных истцом ложных сведениях или представленных им подложных документах.

Данное в настоящем Постановлении в рамках предмета рассмотрения конституционно-правовое истолкование абзаца второго части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации в системном единстве с частью третьей статьи 445¹ этого Кодекса не предопределяет вывода о правомерности отказа в индексации установленных Федеральным законом «О борьбе с терроризмом» единовременных пособий в рассматриваемом случае.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать абзац второй части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации в системном единстве с частью третьей статьи 445¹ этого Кодекса не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он не предполагает поворота исполнения вступившего в законную силу и затем отмененного решения суда, вынесенного по требованию о возмещении вреда, причиненного здоровью сотрудника органов внутренних дел, в части сумм, присужденных истцу в результате индексации установленных Федеральным законом «О борьбе с терроризмом» единовременных пособий, при условии, что отмененное решение не было основано на сообщенных истцом ложных сведениях или представленных им подложных документах.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл абзаца второго части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

3. Судебные постановления, вынесенные по делу гражданина Ячmeneва Владимира Алексеевича на основании абзаца второго части третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 48-П